

Ты помнишь, как умерла.

В тот самый миг, когда остановилось сердце, боль длилась всего несколько секунд, а следом наступили бесконечная темнота и невесомость. Снова открыв глаза, ты обнаружила, что лежишь на влажной траве. Над головой раскинулось пасмурное английское небо, а твоё тело уменьшилось в бесчисленное количество раз: пушистые лапы, белоснежная шёрстка и большой пушистый хвост.

Ты стала лисой. Белой лисой.

Ушло целых три дня, чтобы смириться с этим фактом. И ещё целый день — чтобы осознать хронологию: Пряничный тупик, дом номер девятнадцать, та самая обветшалая и мрачная кирпичная двухэтажка, а также тощий, костлявый мальчишка в явно сношенных с чужого плеча вещах.

Впервые ты увидела его, когда он сидел на корточках в прибрежных зарослях травы и сосредоточенно наблюдал за тем, как тонущий жук отчаянно борется за жизнь. Чёрные волосы прядями падали на лоб, кожа казалась мертвенно-бледной, словно мальчик отродясь не видел солнца, а на переносице темнел свежий синяк.

Ты высунула голову из кустов, и ваши взгляды встретились.

Эти чёрные глаза, которые в зрелые годы станут бездонными и непостижимыми, как глубокие омуты, сейчас были чистыми до самого дна — в них читались настороженность, недоверие и капелька недетской усталости. Он долго всматривался в тебя, так долго, что ты почти решила, будто он сейчас развернётся и убежит.

— ...Белая лиса? — он нахмурился, в детском голоске прорезались не по годам взрослые, сухие нотки. — В Англии не водятся белые лисы. Из какого цирка ты сбежала?

Это были первые слова, которые сказал тебе Северус Снегг. Едкие, точные, насквозь пропитанные подозрениями.

Ты качнула хвостом.

Немного помедлив, он протянул руку. Тонкие пальцы, ногти с несмывающимися следами грязи, на суставах — несколько мелких царапин. Ты не стала отступать, а наоборот, подалась вперёд на полшага и уткнулась носом прямо в его ладонь.

Он весь окаменел.

В тот миг ты почувствовала, как его пальцы едва заметно дрогнули, словно он отвык прикасаться к чему-то настолько мягкому. Он с замиранием сердца коснулся твоего уха,

неуклюже и робко, будто проверяя, не мерещится ли ему живое существо.

— ...Дурочка, — тихо произнес он, то ли ругая тебя, то ли самого себя. — А вдруг я замышляю зло? Станешь вот так доверять людям — в один прекрасный день с тебя шкуру сдерут на воротник.

Ты подняла на него глаза и тихонько твякнула.

Он не прогнал тебя.

С тех пор ты стала частой гостьей в Прядильном тупике. Или, вернее сказать, тенью Северуса Снегга.

Ты постепенно изучила его распорядок дня: поутру он уходил искать никому не нужные склянки и баночки, рылся в кучах мусора в поисках старых газет и рваных книг, после полудня прятался у реки, наблюдая, как спасённые им букашки снова выбираются на сушу, а до наступления темноты был обязан вернуться домой — в то место, которое он называл домом.

Ты ходила за ним следом всего однажды, и этого хватило, чтобы шерсть на твоём теле встала дыбом.

Прихожая этого дома была тесной и погружённой во мрак, в воздухе висел едкий смрад дешёвого пива и пепельниц. Тучный мужчина развалился на диване, сжимая в руке бутылку, работал телевизор, но вместо сигнала на экране металась лишь рябь из черно-белых помех. У лестницы стояла исхудавшая женщина с землистым лицом и потухшим взглядом; заметив вошедшего Северуса, она лишь бросила бесцветным голосом:

— Вытри грязь с подошв.

То были Тобиас Снегг и Эйлин Снегг.

Ты жалась в угол у самого входа, а твоё сердце колотилось как безумное. Наконец-то до тебя дошло, почему Северус вечно ходит в синяках и ссадинах: кровоточащий угол рта, тёмные пятна на запястьях, хромота, с которой он порой передвигался. Эти увечья появлялись вовсе не от случайных падений.

Ты научилась прятаться.

Каждый раз перед тем, как Северус переступал злосчастный порог, ты бесшумно обегала дом с тыла, протискивалась в никогда плотно не закрывавшуюся щель кухонного окна и ныряла в крошечную каморку под лестницей. Там громоздились покрытый пылью хлам и картонные коробки — как раз столько места, чтобы свернуться в клубок.

Ты боялась издать хоть звук. Однажды ты нечаянно задела пустую жестяную банку, она покатилась по доскам пола, издав резкий звон. Сверху тут же раздались тяжёлые шаги, и пьяный голос Тобиаса рявкнул:

— Что это за шум?!

Затаив дыхание, ты втиснулась в зазор между картонными коробками, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Из гостиной донёсся голос Северуса, неестественно спокойный:

— Это я. Книга упала.

Тягостное молчание. Затем глухой стук, сопровождаемый звуком ударов о человеческое тело. Ты не слышала ни плача, ни даже сдавленного стоны.

Ты закрыла глаза и уткнулась мордочкой в лапы.

Так выглядела его жизнь изо дня в день. Каждый прожитый им день протекал именно так.

Ты не знала, чем можешь помочь. Ты всего лишь лисица, не умеющая ни говорить, ни колдовать, и вряд ли способная прокусить плоть взрослого мужчины. Всё, что оставалось в твоих силах — это дожидаться, когда он наконец вырвется из проклятого дома и, присев у воды в одиночестве, выскользнуть из травы и тихонько прилечь рядом с его коленями.

Он никогда не жаловался. Он просто сидел безмолвно, изредка проводя рукой по твоей голове, едва касаясь шерсти, будто боялся причинить боль.

— ...Опять ты пришла, — говаривал он, и в его тоне сквозило легкое раздражение, впрочем, не подкрепленное попыткой прогнать тебя. — Разве у тебя нет других дел? Не нужно искать пропитание? Не пора ли вить логово?

Ты лизнула его в тыльную сторону ладони.

Его руки были холодными, а на пальцах чернели следы чернил.

Он опускал взгляд на тебя, и в этих тёмных глазах проступало нечто невыразимое, чему трудно подобрать название. Спустя долгое время он тихо произносил едва слышным шепотом:

— ...По крайней мере, ты не уходишь.

Тогда ты ещё не понимала, какой тяжестью этот отзвук ляжет на всю его будущую жизнь.

Ты постепенно привыкала к нему, как и к его колким насмешкам. Перебирая старые учебники на свалке, он неизменно отпускал едкие комментарии:

— До чего же ты отъелась, не у соседей ли кур ворует? Разве лисам положено питаться курицей? Ах да, ты же не обычная лиса, ты — невеста откуда взявшийся уродец.

Разъяренная, ты хлестала его по ноге хвостом, а он в ответ редко кривил губы в подобии усмешки — пожалуй, это было самым близким к улыбке выражением лица, какое тебе доводилось у него видеть.

Однажды под вечер лучи заходящего солнца окрасили речную гладь в мутновато-золотые тона. Он сидел на берегу, а ты дремала, устроившись у него на коленях. Внезапно он замер, перевернув страницу, и долго вглядывался в твои глаза.

Сонно приоткрыв веки, ты встретила с его глубоким, темным взглядом.

— ...Мне следует дать тебе имя, — проговорил он с такой ровной интонацией, будто рассуждал сам с собой. — Нельзя же вечно звать тебя просто эй.

Ты насторожила уши.

Похмурившись с минуту, он перевел взгляд с твоей белоснежной шерсти на твои янтарные глаза. Выражение его лица оставалось серьезным, точно при решении сложнейшей задачи по зельеварению.

— Сия, — внезапно произнес он тихо, так тихо, будто боялся, что имя унесет ветром. — ...Пусть будешь Сией.

Он замолк на секунду и отвернулся, а кончики его ушей порозовели.

— Никакого особого смысла. Просто... тебе подходит.

Сия.

Ты беззвучно повторила про себя это имя. Лучший подарок, какой тебе доводилось получать за всю жизнь.

Ты поддалась вперед и изо всех сил лизнула его в щеку. Застигнутый врасплох столь неожиданным проявлением чувств, он засуетился, пытаясь оттолкнуть твою голову, и

забормотал:

— Какая гадость... Твоя слюна...

Однако по-настоящему отстранять тебя он не стал, а уголок рта, дрогнувший в едва заметной улыбке, выдавал его с головой.

С того дня у тебя появилось имя.

С того дня ты стала Сией.

<http://bllate.org/book/21197/2145806>